

КИНЖАЛЫ-«ВКЛАДЫШИ» В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРНОГО АЛТАЯ

Статья посвящена своеобразным изделиям пазырыкской культуры Горного Алтая – уменьшенным копиям бронзовых кинжалов, помещенным в полноразмерные деревянные ножны. В качестве основного источника послужили серия находок таких кинжалов (всего 10 экз.) из курганов скифского времени (V–III вв. до н.э.) долины Узунтал (раскопки автора 1971–1973 гг.), а также большинство известных в настоящее время подобных изделий из других могильников Горного Алтая (более 100 экз.). Средние размеры таких кинжалов – от 14,5–15 до 19,5–20 см; встречаются и более мелкие образцы (до 10–12 см). Длина же «настоящих» боевых кинжалов может достигать 35–40 см, но не менее 30 см. О назначении их уменьшенных воспроизведений как культовых изделий уже высказывались различные точки зрения. Ключевым моментом для выяснения причин вотивизации данных предметов, по мнению автора, может служить в первую очередь несоответствие размеров кинжалов-«вкладышей» и полномасштабных ножен, благодаря чему с внешней стороны такой кинжал на поясе погребенного выглядел как настоящий. Скорее всего, помещенная таким образом имитация – двойник (душа?) кинжала – была предназначена для его последующей реинкарнации, в то время как сам кинжал мог оставаться в социуме как своего рода «гарантия» или для дальнейшего употребления.

Ключевые слова: Горный Алтай, кинжал, ножны, погребение, размер, имитация, вотивизация, социум.

DOI: 10.14258/tpai(2016)1(13).-02

Пазырыкская культура, прославившаяся раскопками больших, или «царских», курганов на Алтае [Грязнов, 1950; Руденко, 1953, 1960; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003], а в последние годы – «аристократических» погребений на Укоке [Полосьмак, 1994, 2001] и в соседней Северо-Западной Монголии [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012], отличается рядом специфических особенностей, выделяющих ее среди других культур этого времени Центральной Азии и Южной Сибири. К числу таких особенностей можно отнести: сооружение погребальных камер-«часовен» на дне глубоких могильных ям, где отдельно, на свободной площади, а не непосредственно с погребенным, размещается сопроводительный инвентарь [Савинов, 1997]*; исключительное богатство деревянных художественных изделий, по-новому представивших феномен скифо-сибирского звериного стиля [Древнее искусство Алтая, 1958; Мыльников, 2011]; мумификацию и удивительно изощренную татуировку погребенных [Феномен алтайских мумий, 2000]; отчетливое влияние переднеазиатского искусства [Руденко, 1961], в свою очередь, уже в пазырыкском исполнении отразившееся в изобразительном искусстве соседних территорий (Тува, Минусинская котловина), и др.

В этом ряду следует рассматривать и бронзовые уменьшенные модели кинжалов, найденные вместе с полноразмерными деревянными ножнами, известные на Алтае в большом количестве и уже привлекавшие внимание исследователей. С точки зрения терминологии уместно для подобного рода предметов наименование кинжалы-«вкладыши». Серия таких кинжалов происходит из курганов пазырыкской культуры в долине Узунтал (Южный Алтай, раскопки 1971–1973 гг.). В то время (после раскопок С.С. Сорокина на р. Аргуте и до планомерных исследований В.Д. Кубарева на

* Изобразительно эта идея воплощена в реконструкциях «элитных» погребений из Ак-Алахи [Полосьмак, 2001, рис. на с. 187] и Берели [Самашев и др., 2000, рис. на с. 12–13].

р. Юстыде и в Уландрыке) она могла считаться наиболее крупной коллекцией подобного рода изделий. Подробные сведения об условиях их нахождения и общая характеристика были приведены ранее [Савинов, 1993].

Всего в долине Узунтал (далее – УЗ-I, III и пр.) были найдены десять таких кинжалов; большинство из них – с деревянными ножнами. По характеру своего изготовления они делятся на две группы: со сплошной (рис. 1) и прорезной (рис. 2) рукоятками. Хронологически кинжалы обеих групп не разделяются, так как некоторые из них найдены в одних и тех же погребениях, например в УЗ-I (курган №3). Очевидно, что все они не использовались в реальных военных действиях и были изготовлены специально для погребения. Об этом свидетельствуют как их небольшие размеры (длина узунтальских кинжалов находится в интервале от 14,5–15 до 19,5–20 см), так и отсутствие дополнительной обработки после весьма небрежного изготовления (сохранившиеся наплывы от литья на навершиях, следы литейного брака и др.)*. В этой ситуации говорить о каких-либо типологических особенностях, тем более сравнительно небольшой серии предметов, сложно. Все они повторяют в весьма упрощенном виде формы настоящих бронзовых кинжалов, в первую очередь кинжалов-акинаков и кинжалов с брусковидными навершиями, причем это касается кинжалов как со сплошной, так и с прорезной рукоятками. Нет и явных следов заточенности лезвий.

Большинство кинжалов найдены вместе с ножнами, представляющими собой деревянные пластины с двумя парами выступающих лопастей с отверстиями для крепления портупейных ремней: верхние, более широкие, – на месте перекрестия; нижние – приблизительно в месте окончания лезвия вложенных в них кинжалов (рис. 1.-5–6; рис. 2.-2–3, 5). С обратной стороны пластины сделано плоское углубление, вырезанное по форме клинка кинжала, прикрытое кожаной накладкой таких же очертаний (рис. 2.-4). Нижняя часть ножен, где бронза не оказывала своего консервирующего воздействия, не сохранилась, так что судить о ней трудно. В узунтальской серии по своей длине они соответствовали не уменьшенным кинжалам-«вкладышам», а настоящим полноразмерным кинжалам, которые по каким-то причинам были заменены в погребениях уменьшенными копиями. Внешняя сторона всех узунтальских ножен окрашена в красный цвет. Кроме того, на перекрестии ножен кинжала из УЗ-VI (курган №5) изображены стилизованные рога горного козла (рис. 1.-5; рис. 3.-1), а на ножнах из УЗ-VI (курган №6) вырезана фигурка стоящего кабана (рис. 1.-6; рис. 3.-2). Таким образом, с лицевой стороны кинжалы с ножнами должны были выглядеть как настоящие боевые кинжалы-акинаки, а не их уменьшенные копии.

В курганах Узунтала такие кинжалы-«вкладыши» были найдены как в мужских, так и в женских погребениях (в одном случае – УЗ-II (курган №2) – в захоронении женщины с ребенком). Находки предметов вооружения в женских погребениях вообще довольно часто встречаются в тагарской и раннесарматской культурах этого времени, однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Там, где это удалось проследить, кинжалы с ножнами в погребениях Узунтала находились около тазовых костей (у «пояса») погребенных, в одном случае – на бедренной кости. Рядом с ними располагались (возможно, также votивные?) чеканы с длинной рукояткой, привешивающиеся к поясу в специально сделанных для этого чехлах [Савинов, 1993, рис. 4–5].

* В настоящей работе мы не касаемся вопросов датировки узунтальских погребений, которая устанавливается в соответствии с общей хронологией памятников пазырыкской культуры в пределах V–III вв. до н.э. (с периодом ее расцвета в IV в. до н.э. и угасанием на рубеже III–II вв. до н.э.).

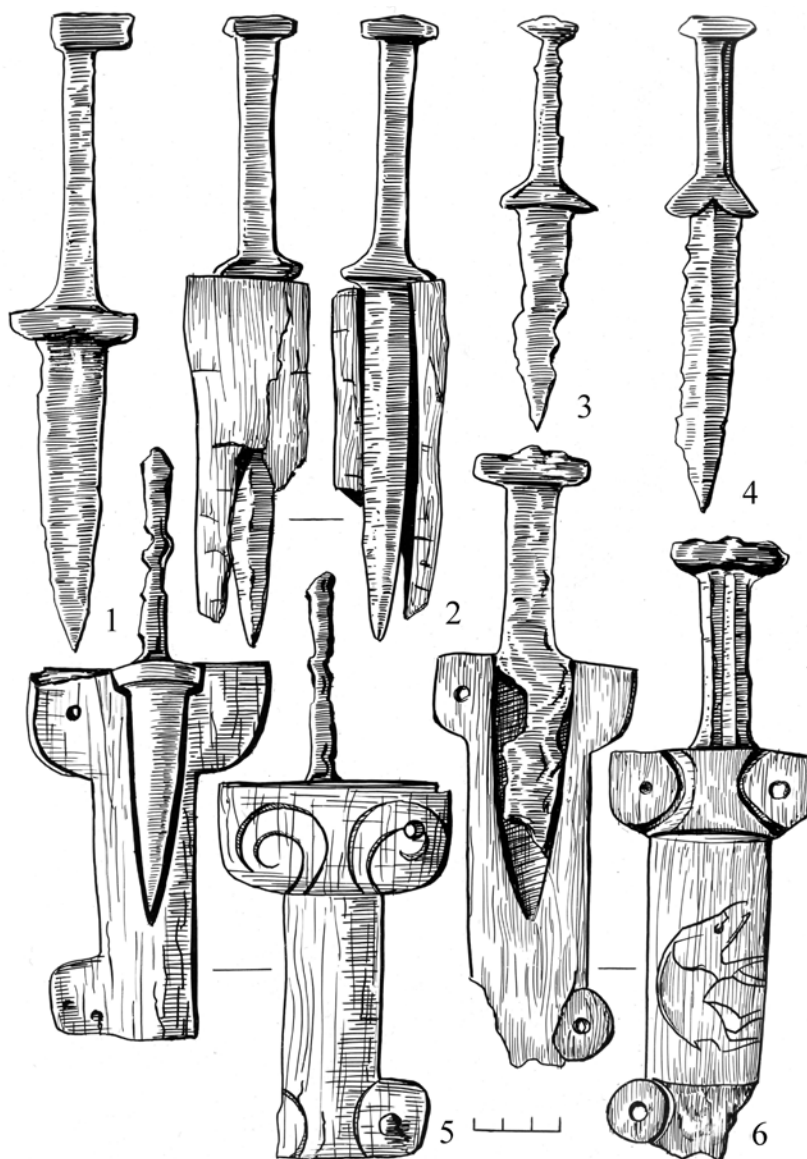

Рис. 1. Узунталыские кинжалы-«вкладыши» со сплошной рукояткой:
1 – УЗ-I, курган №2; 2 – УЗ-I, курган №3; 3 – УЗ-I, курган №2; 4 – УЗ-I, курган №3;
5 – УЗ-VI, курган №5; 6 – УЗ-VI, курган №6 (1, 3, 4 – бронза; 2, 5, 6 – бронза, дерево)

В настоящее время общее количество таких кинжалов-«вкладышей», найденных в Горном Алтае, насчитывает уже около 100 экз. Значительная часть их происходят из раскопок В.Д. Кубарева в южных районах (приблизительно там же, где находились и группы могильников Узунтала) и опубликованы в трех монографиях, посвященных исследованию рядовых погребений пазырыкской культуры на Алтае: могильники Уландрык и Ташанта – «Курганы Уландрыка» [Кубарев, 1987]; могильники Юстыд

и Джолин – «Курганы Юстыда» [Кубарев, 1991]; могильники Барбургазы и Малталу – «Курганы Сайлюгема» [Кубарев, 1992]. Большинство из найденных там кинжалов, естественно, с некоторыми вариациями, соответствуют узунтальским, однако, в отличие от последних, во многих случаях здесь сохранились нижние части ножен, оформленные в виде округлого оконечника, иногда орнаментированного. Отдельные находки подобных изделий известны и по раскопкам других могильников (Боротал, Арагол, Алагаил, Кызыл-Джар, Кош-Пей и др.).

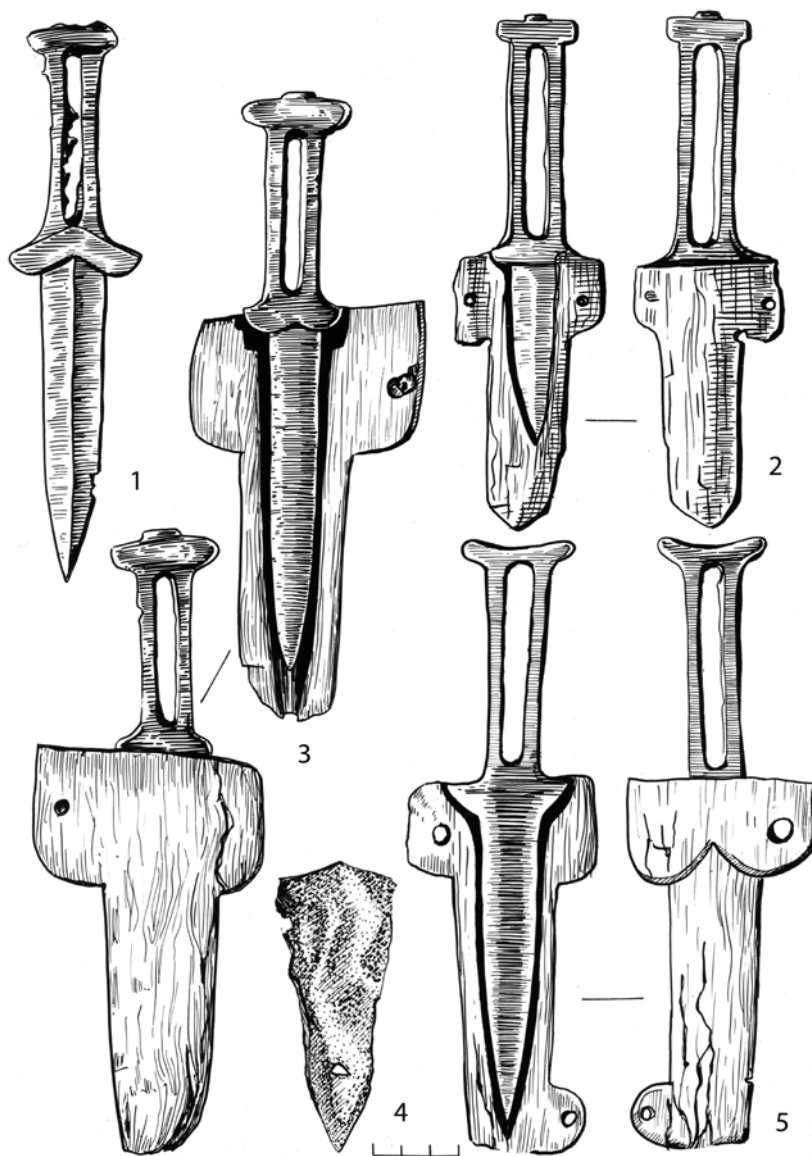

Рис. 2. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» с прорезной рукояткой:
1 – УЗ-III, курган №2; 2 – УЗ-I, курган №3; 3 – УЗ-I, курган №2; 4 – УЗ-VI, курган №5;
5 – УЗ-III, курган №5 (1 – бронза; 2-3, 5 – бронза, дерево; 4 – кожа)

Из раскопок последующих лет можно отметить два кинжала-«вкладыша», найденные на Укоке: на одном из них (могильник Ак-Алаха, курган №2) выступы на ножнах украшены деревянными «пуговицами» [Полосьмак, 1994, рис. 79.-2, 3]; в другом случае (могильник Верх-Кальджин-II, курган №3) не только ножны, но и сам кинжал выполнены из дерева [Феномен алтайских мумий, 2000, рис. 136]. Такие же деревянные модели кинжалов еще раньше были обнаружены в могильниках Уландрык-I, (курган №1) и Барбургазы-I (курган №18) [Кубарев, 1987, рис. 21; 1992, рис. 19]. Согласно заключению В.П. Мыльников [2011, с. 61, рис. 51], изготовление таких деревянных кинжалов с ножнами относится к разряду сложной (с элементами художественной резьбы) пазырыкской культуры скифского времени.

За пределами Горного Алтая столь отчетливо выраженных моделей кинжалов с ножнами найдено немного. Из них на Северном Алтае наиболее выразительная находка – сильно сточенный кинжал с зооморфным оформлением в деревянных ножнах из могильника Староалейка-II (могила-56) [Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 15.-1]. Из недавних раскопок курганов пазырыкского типа (с мерзлотой) в Северной Монголии (могильник Олон-Курин-Гол-10, курган №1) происходит такой кинжал, но уже железный, в аналогичных ножнах [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012, рис. 96–97 и др.], однако, скорее всего, это уже заимствование. Исходя из всех имеющихся материалов можно с уверенностью сказать, что изготовление и использование в погребальном обряде бронзовых кинжалов-«вкладышей» с полноразмерными деревянными ножнами является одной из отличительных особенностей пазырыкской культуры Алтая.

Общая оценка и подробная характеристика рассматриваемых изделий даны в работах В.Д. Кубарева, особенно в первой из «триады» его книг, посвященных пазырыкским курганам Южного Алтая, – «Курганы Уландрыка». В двух других, в связи с накоплением нового археологического материала, они уже в основном повторялись. В работе 1987 г. говорится, что все алтайские кинжалы «...представляют собой уменьшенные копии, специально изготовленные для погребального обряда» и «отличаются небрежностью отливки, асимметрией форм». Отмечено, что длина настоящих боевых кинжалов может достигать 35–40 см, но «...редко она опускается ниже 30 см». Имитации, или копии, таких кинжалов делятся на две группы: уменьшенные, длина которых составляет от 19 до 22,5 см, и миниатюрные, длиной до 13 см. Последние уже не были «...точной копией кинжалов, а являлись своего рода символами кинжала». В погребениях кинжалы с ножнами «...чаще всего располагались справа от погребенных – вдоль бедренной кости или поверх тазовых костей и, очевидно, прикреплялись к ноге охватывающими ремешками, хорошо сохранившимися на деревянных ножнах...». Происхождение подобных ножен и способа их ношения связано с сакской ираноязычной средой; отсюда предложенное для них наименование – ножны «ирано-алтайского типа» [Кубарев, 1987, с. 54–59, 64–65].

В последующих публикациях некоторые из этих размеров уточняются: длина уменьшенных кинжалов определяется в пределах 13–21 см, а миниатюрных – до 11 см. При этом длина полноразмерных кинжалов составляет по-прежнему 35–40 см, но не менее 30 см [Кубарев, 1991, с. 73]. В другом случае длина уменьшенных кинжалов равна 16–21 см, миниатюрных – 10–14 см [Кубарев, 1992, с. 57]. Эти колебания вполне естественны и, скорее всего, следуют за вновь найденными образцами таких изделий. Впрочем приведенные отклонения не являются существенными: ясно, что разница между подлинными предметами вооружения – кинжалами и их уменьшенными копия-

ми составляет около половины всей длины полноразмерного кинжала. Что касается более мелких миниатюрных изделий (в среднем до 10–13 см), то они уже очень отдаленно напоминают исходные образцы; в алтайских материалах, в отличие от Минусинской котловины, их значительно меньше.

Не касаясь пока вопросов назначения и семантики подобных изделий, отметим, что на территории Алтая известно и несколько настоящих бронзовых кинжалов. В основном это случайные находки, но встречаются они и в комплексах, например полноразмерные кинжалы с «грифовыми» навершиями из могильников Тыткескень-VI (курган №4) и Кайнду (курган №2) [Неверов, Степанова, 1990, рис. 6; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 16, 48, 87; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 36]. Но таких кинжалов немного. В основном в то время они уже делались из железа, и сохранность их значительно хуже. Соответственно, единая типология (или схема развития) всех алтайских кинжалов (полноразмерных железных и бронзовых, включая уменьшенные копии последних, лишь в общих чертах передающих типологические особенности оригинала [Суразаков, 1988]) может считаться достаточно условной.

С аналитической точки зрения более оправданно рассмотрение алтайских кинжалов-«вкладышей» не в связи с их типологическими особенностями, в большинстве случаев трудноуловимыми, а как совершенно особой категории изделий и, главным образом (во всяком случае, пока), по их назначению и семантике. Это наиболее скрытое, но, тем не менее, самое перспективное направление их исследования.

За пределами Горного Алтая устойчивых серий кинжалов-«вкладышей» нет. Как уже отмечалось, отдельные находки такого рода известны на Северном Алтае (Староалейка-II, могила-56), но они единичны. В то же время, скорее всего, неслучайно появляются ножи, сделанные из роговых пластин с гравировками (Рогозиха-1 (курган №2) и др.), повторяющие форму деревянных горно-алтайских ножен [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 16, рис. 18.-1–2; рис. 57.-1–6]. В соседней Северо-Западной Монголии известна одна такая находка (могильник Олон-Курин-Гол-10, курган №1), но вкладышевый кинжал там в таких же деревянных ножнах длиной 25,5 см сделан из железа [Молодин, Парцингер, Цэвэндорж, 2012, рис. 141–145]. Других подобных находок в данном регионе пока нет. В тувинских погребениях того времени все бронзовые кинжалы – настоящие, типа акинаков, например из могильника Саглы-Бажи-II [Грач, 1980, рис. 30–31]. И это отличие сохраняется на всем протяжении существования саглынской (или уюкской) культуры. Употреблялись они, как правило, не с деревянными, а с кожаными ножнами.

В Минусинской котловине большинство предметов вооружения того времени, в том числе и кинжалов, бронзовые, причем там достаточно рано (приблизительно с рубежа V–IV вв. до н.э.) начинается процесс их вотивизации, закончившийся к концу тагарской эпохи (тесинский этап) появлением настоящих «миниатюр» (термин, введенный в научный оборот в работах С.В. Киселева и отсюда «перекочевавший» в алтайскую археологию). Однако сам процесс миниатюризации (возможно, под воздействием пазырыкской культуры Алтая, что соответствует появлению изображений «алтайского стиля» в искусстве Минусинской котловины) проходил постепенно и не фиксируется столь четким противопоставлением размеров настоящих предметов вооружения и их уменьшенных копий, как в Горном Алтае. На Алтае такие ярко выраженные миниатюры находятся только в самых поздних памятниках пазырыкской культуры (например, УЗ-III, курганы №3 и 5) и датируются II в. до н.э. – I в. н.э. уже

по тесинским аналогиям [Савинов, 1978, с. 53, рис. 1.-15–18]. За этим разнообразием форм проявления видится один и тот же культурно-исторический процесс, но осуществляется он в разных регионах по-разному.

Совсем иначе «смотрятся» ножны. Судя по пазам на обратной стороне, вырезанным по форме кинжалов-«вкладышей», большинство из них также являются моделями, но сохраняющими свои действительные размеры. С внешней стороны такие ножны, особенно соответствующим образом декорированные, должны были выглядеть как «настоящие». В качестве образца таких кинжалов в ножнах обычно приводятся изображения саков на рельефах из Персеполя и на золотой пластине из Аму-Дарьинского клада (рис. 4.-1–3), по которым можно представить и способ ношения кинжалов «ирано-алтайского» типа. Через отверстия в выделенных лопастях на ножнах один их конец крепится к поясу, а другой при помощи охватывающих ремешков фиксируется на бедре. Как справедливо отмечает В.Д. Кубарев [1987, с. 65], «... этот рациональный способ могли изобрести только кочевники».

Однако необходимо сделать некоторые замечания или дополнения. Так, нижний ремень, охватывавший ногу, у всадника ни в коем случае не мог быть пропущен между ногами, как это показано на изображении из Аму-Дарьинского клада (рис. 3.-3). В предложенной по этим изображениям реконструкции [Кубарев, Шульга, 2007, рис. 74.-11] ремень, крепившийся к поясу, показан излишне длинным (рис. 4.-4). Реальный кинжал должен был располагаться ближе к поясу, как это показано на изображении всадника из могильника Верх-Кальджин-II (раскопки В.И. Молодина), где рукоятка кинжала находится рядом с подвешенным там же чеканом [Полосьмак, Баркова, 2005, рис. на с. 80]. Это объясняет, почему большая часть кинжалов узунтальской серии была найдена около тазовых костей (на «поясе») погребенных.

Наконец, самый сложный и до конца не решенный вопрос – о причинах столь массового распространения уменьшенных копий, или моделей, кинжалов при сохранении полноразмерных ножен в пазырыкской культуре Алтая. По этому поводу уже высказаны различные точки зрения, но ни одна из них не является достаточно доказательной. Самые простые объяснения – экономия металла или сохранение реальных предметов вооружения «в семье», передача их «по наследству» – вполне вероятны, но лишены какого-либо археологического обоснования. По мнению В.Д. Кубарева, изначально это были культовые изделия. «В скифское время население Горного Алтая применяло железное оружие, а найденные в погребениях кинжалы и чеканы из бронзы, даже близкие по формам и размерам к настоящим, все без исключения являются культовыми моделями» [Кубарев, 1981, с. 53]. В широком плане это наиболее вероятное объяснение, но оно не раскрывает их дальнейшего (обрядового) назначения. Кроме того, поскольку все они найдены непосредственно с погребенными, следует предположить и участие самих погребенных в этих обрядовых действиях, а оно также никак не аргументируется.

В другой, совместной с П.И. Шульгой, монографии также говорится об их культовом назначении [Кубарев, Шульга, 2007, с. 70], но данное предположение уже раскрывается несколько иначе, конкретизируется: «Помещенные в захоронение ... модели ножен и кинжалов могут рассматриваться не только как заменители настоящего оружия умершего, но и как особый священный предмет культового назначения, или посвященные дары божествам в мире ином» [Кубарев, Шульга, 2007, с. 85]. Идея о том, что в состав сопроводительного инвентаря входят не только аксессуары самого погребенного, но и вещи, предназначенные для представления их «божеству», является

ся весьма продуктивной, но не исключает других мотивировок. При этом в сферу предполагаемого объяснения может войти все, что составляет еще не познанное поле так называемого «археологии ритуала», в том числе инаковое состояние вещи, как и самого человека, при переходе в иную систему соответствия формы и содержания*.

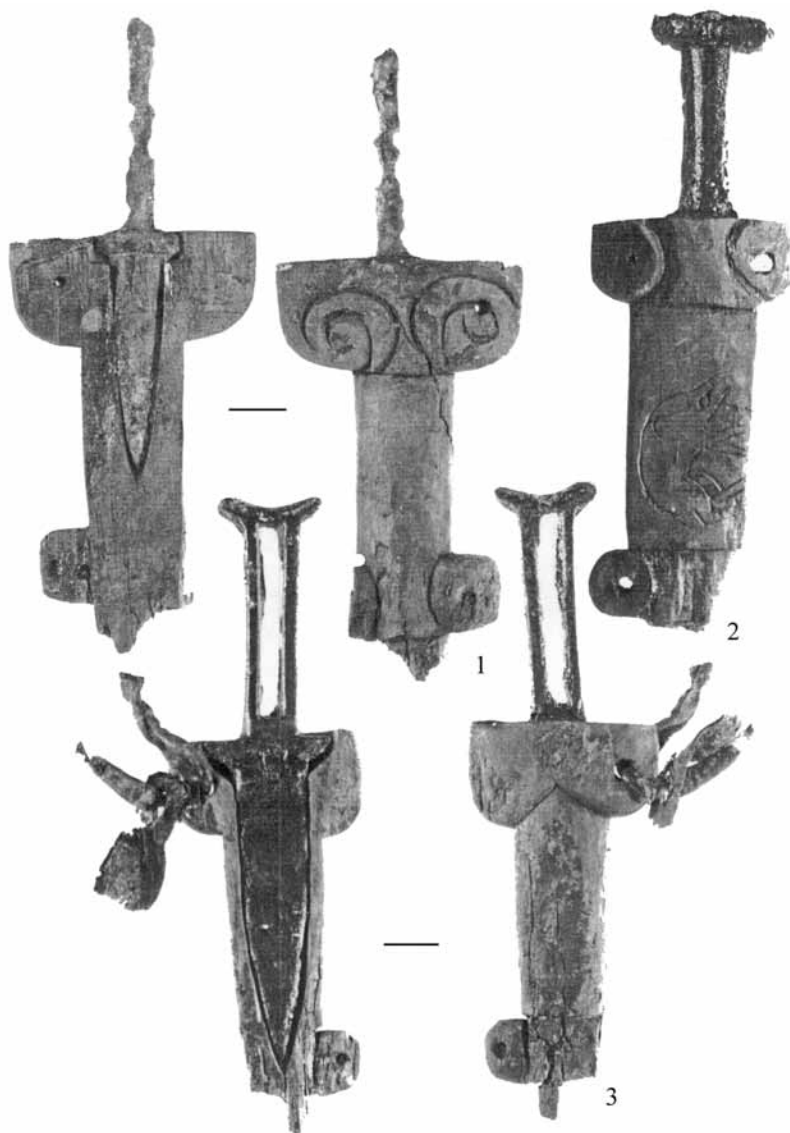

Рис. 3. Узунтальские кинжалы-«вкладыши» с деревянными ножнами:
1 – УЗ-VI, курган №5; 2 – УЗ-VI, курган №6; 3 – УЗ-III, курган №4 (бронза, дерево, кожа)

* На основании находки кинжала, зашитого в кожаный футляр, в одном из погребений Ужурского могильника Н.Л. Членова [1967, с. 23] предположила, что «...видимо, так делали сознательно, чтобы покойник не мог вредить живым или для того, чтобы он не потерял кинжал во время дальней дороги в загробный мир». Думается, что к алтайским кинжалам это не имеет прямого отношения. Точно так же «зашитыми» в кожаные чехлы были найдены многие бронзовые зеркала того времени.

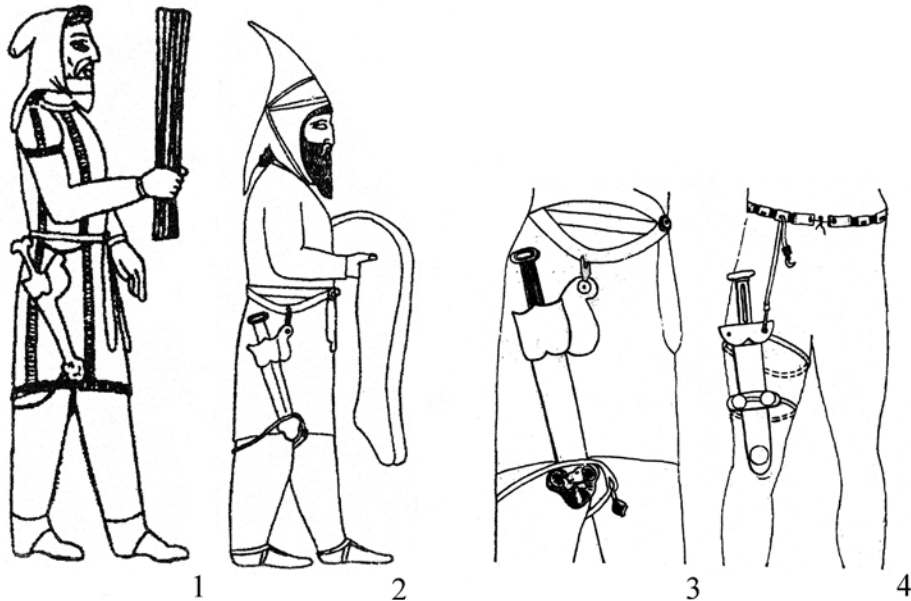

Рис. 4. Кинжалы с ножами «ирано-алтайского» типа: 1 – Аму-Дарьинский клад; 2–3 – Персепольский рельеф (по: [Шульга, 2003]); 4 – реконструкция способа крепления кинжалов с ножами «ирано-алтайского» типа (по: [Кубарев, Шульга, 2007])

Иначе говоря, измененная вещь – мертвая вещь, как одно из условий (наравне с человеком), может быть представленной «божеству».

С нашей точки зрения, отправным элементом здесь может служить в первую очередь несоответствие размеров моделей кинжалов-«вкладышей» и полномасштабных ножен, в которые они помещались, тем более что сами ножны при этом соответствующим образом окрашивались и декорировались. Благодаря этому с внешней стороны такой кинжал, находившийся (как и положено!) на поясе погребенного, тоже выглядел как настоящий, что и было необходимо при проведении обрядовых действий, связанных с «проводами» умершего. Помещенная таким образом в специально сделанный для этого паз имитация-двойник (душа?) кинжала могла быть предназначена для его последующей реинкарнации, в то время как сам кинжал (особенно древний – бронзовый) оставался в социуме как своего рода «гарантия» или для дальнейшего воспроизводства (употребления).

О том, что в пазырыкском обществе существовала такая скрытая социально-психологическая мотивировка «подмены» ценностей (а все пазырыкские кинжалы в ножнах внешне должны были экспонироваться как настоящие «полновесные» изделия), свидетельствуют и некоторые другие примеры, правда, они касаются уже материалов больших, или «царских», курганов. Так, самый большой (диаметром 47 м) и один из самых поздних больших пазырыкских курганов – курган Шибе (раскопки М.П. Грязнова, 1927 г.) – оказался и самым «бедным». Скорее всего, это связано не с ограблением, а с тем, что в данном случае его содержание (своего рода «оскудение династии») компенсировалось внешними масштабами сооружения*. Возможно, что в этом же семан-

* Нечто подобное можно предположить и для самых поздних и больших скифских курганов Причерноморья – Александропольского кургана и кургана Огуз.

тическом поле следует рассматривать и необычайно большие по отношению к реальной фигуре человека размеры верхней плечевой одежды из Пазырыка, необходимые для представления «божеству». В равной степени это касается знаменитой повозки из Пятого Пазырыкского кургана, на которой нельзя ездить, пазырыкской «арфы», на которой нельзя играть, а также, возможно, многих других, еще не опознанных с этой точки зрения предметов материальной культуры, используемых в погребальном обряде. Конечно, все это явления разного порядка, но на глубинном уровне сознания мотивировка у них одна: в обрядовом контексте представить инаковое (вотивное) как реальное (желаемое) и желаемое как действительное.

Библиографический список

- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 255 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. 85 с.
- Древнее искусство Алтая / под ред. М.П. Грязнова. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1958. 24 с. : илл.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II : Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 232 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Алтая. Ч. III : Погребально-поминальные комплексы скифского времени Средней Катуня. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. 290 с.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1981. С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск : Наука, 1987. 299 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск : Наука, 1991. 176 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск : Наука, 1992. 218 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 280 с.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольской Алтай). М. : Триумф-принт, 2012. 564 с.
- Мыльников В.П. Резьба по дереву в скифское время. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 188 с.
- Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катуня. Новосибирск : Наука, 1990. С. 242–270.
- Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск : Наука, 1994. 120 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск : ИНФОЛИО-пресс, 2011. 331 с.
- Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. 229 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 401 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 349 с.
- Руденко С.И. Искусство Алтая и Передней Азии. М. : Изд-во восточн. литер., 1961. 66 с. : илл.
- Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // Краткие сообщения Института археологии. 1978. Вып. 154. С. 48–55.
- Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1993. С. 4–18.
- Савинов Д.Г. Погребальные камеры-«часовни» больших Пазырыкских курганов // Сакральное в истории культуры. СПб. : ГМИР, 1997. С. 30–40.
- Самашев З., Базарбаева Г., Кумабекова Г., Сунгатай С. Берел. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2000. 53 с. : ил.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1988. 214 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-2 на левобережье Оби. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 192 с.

Феномен алтайских мумий / под ред. акад. А.П. Деревянко и В.И. Молодина. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 318 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М. : Наука, 1967. 296 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4А. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. 201 с.

D.G. Savinov

DAGGERS-«INSERTS» OF PAZYRYK CULTURE OF THE ALTAI MOUNTAINS

The article deals with the peculiar artifacts of Pazyryk culture of the Altai Mountains, the scaled-down copies of bronze daggers, placed in full-size wooden scabbards. A series of 10 daggers from the Uzuntal valley burial-mounds of Scythian period (5th – 3rd centuries BC) excavated by the author in 1971–1973 as well as most of such objects (more than one hundred specimens) from other burials of the Altai Mountains known nowadays became the main source for this research. Average length of the daggers varies from 14,5–15 to 19,5–20 cm, there are also smaller ones (10–12 cm) while average length of battle daggers reaches 35–40 cm, but no less than 30 cm. Thus, there have been already diverse opinions expressed on the religious significance of scaled-down daggers. According to the author, the discrepancy in size between “insert” daggers and full-sized wooden scabbards is the key point in explaining the votive nature of these pieces: hanging on the belt of the buried deceased, such «insert» dagger looked real due to scabbard – this imitation (twin or soul? of a dagger) was probably intended for reincarnation while the ordinary dagger was left in the society as a kind of “guaranty” or for further use.

Key words: the Altai Mountains, dagger, scabbard, burial, size, imitation, votive, society.

References

Chlenova N.L. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoy kultury [The origin and early history of the Tagar tribes culture]. Moscow : Nauka, 1967. 296 p.

Drevnee iskusstvo Altaya [Ancient art of Altai], pod red. M.P. Gryaznova. Leningrad : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1958. 24 p. : ill.

Fenomen altayskikh mumiy [The phenomenon of Altai mummies], pod red. akad. A.P. Derevyanko i V.I. Molodina eds. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2000. 318 p.

Grach A.D. Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]. Moscow : Nauka, 1980. 255 p.

Gryaznov M.P. Pervyy Pazyrykskiy kurgan [First Pazyryk Mound]. Leningrad : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1950. 85 p.

Kiryushin Yu.F., Kungurov A.L. Mogil'nik rannego zheleznogo veka Staroaleyka-II [[Mound of Early Iron Age Staroaleyka-II]. Pogrebal'nyy obryad drevnikh plemen Altaya [Burial rite of the ancient tribes in Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1996. P. 115–134.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F. Skifskaya epokha Altaya. Ch. III : Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы skifskogo vremeni Sredney Katuni [Scythian epoch of Altai. Part III : Burial, memorial complexes of the Central Katun in Scythian time]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 290 p.

Kiryushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. Skifskaya epokha Altaya. Ch. II : Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoy kul'tury [Scythian epoch of Altai. Part 2 : Burial memorial complexes of Pazyryk culture]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 232 p.

Kubarev V.D. Kinzhly iz Gornogo Altaya [Daggers of Mountainous Altai]. Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentralnoi Azii [Military science of the ancient tribes of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 29–54.

Kubarev V.D. Kurgany Saylyugema [Mounds of Saylyugem]. Novosibirsk : Nauka, 1992. 218 p.

Kubarev V.D. Kurgany Ulandryka [Mounds of Ulandryk]. Novosibirsk : Nauka, 1987. 299 p.

- Kubarev V.D. Kurgany Yustyda [Mounds of Yustyd]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 176 p.
- Kubarev V.D., Shul'ga P.I. Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula) [Pazyryk culture (Chewia and Ursula mounds)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2007. 280 p.
- Molodin V.I., Partsinger G., Tceveendorzh D. Zamerzshie pogrebal'nye komplekсы pazyrykskoy kul'tury na yuzhnykh sklonakh Saylyugema (Mongol'skiy Altai) [Frozen funerary complexes of Pazyryk on the southern slopes of Sailugem (Mongolian Altai)]. Moscow : Triumf-print, 2012. 564 p.
- Myl'nikov V.P. Rez'ba po derevu v skifskoe vremia [Woodcarving in Scythian time]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. 188 p.
- Neverov S.V., Stepanova N.F. Mogil'nik skifskogo vremeni Kayndu v Gornom Altae [Kaindu burial of the Scythian time in the Altai Mountains]. Arheologicheskie issledovaniia na Katuni [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk : Nauka, 1990. Pp. 242–270.
- Polos'mak N.V. "Steregushchie zoloto grify" (ak-alakhinskie kurgany) ["The Griffins-keepers of Gold" (ak-alahinskiy mounds)]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 120 p.
- Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka [Ukok riders]. Novosibirsk : INFOLIO-press, 2011. 331 p.
- Polos'mak N.V., Barkova L.L. Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.) [Costume and Textiles of Altai Pazyryks (IV–III centuries BC.)]. Novosibirsk : INFOLIO, 2005. 229 p.
- Rudenko S.I. Iskusstvo Altaia i Perednei Azii [Altai and Asia Arts]. Moscow : Izd-vo vostochn. liter., 1961. Pp. 66 : ill.
- Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremia [The culture of the population of Mountainous Altai in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1953. P. 401.
- Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremia [The culture of Central Altai population in the Scythian time]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1960. P. 349.
- Samashev Z., Bazarbaeva G., Kumabekova G., Sungatay S. Berel. Almaty : In-t arheologii im. A.Kh. Margulana [The A.H. Margulan Almaty Institute of Archaeology]. 2000. P. 53 : ill.
- Savinov D.G. O zavershayuschem etape kul'tury rannikh kochevnikov Gornogo Altaya [About the final stage of the culture of the early nomads of the Altai Mountains]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of Institute of Archaeology], vyp. 154, 1978. Pp. 48–55.
- Savinov D.G. Pogrebal'nye kamery-"chasovni" bol'shikh Pazyrykskikh kurganov [Funeral cells -"chapels" of great Pazyryk barrows]. Sakral'noe v istorii kultury [Sacred in the history of culture]. Saint Petersburg : GMIR, 1997. Pp. 30–40.
- Savinov D.G. Pogrebeniya skifskogo vremeni v doline Uzuntal [The burials of the Scythian period in the Uzuntal valley]. Materialy po istorii i etnografii Gornogo Altaya [Materials on the history and ethnography of the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1993. Pp. 4–18.
- Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot-4A [The cemetery of the Scythian period Lokot-4A]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2003. 201 p.
- Surazakov A.S. Gornyy Altay i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya [Altai Mountains and their northern foothills in the early Iron Age. Problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altaysk : GANIIYAL, 1988. 214 p.
- Umanskiy A.P., Shamshin A.B., Shul'ga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-2 na levoberezh'e Obi [Scythian time burial – Rogozikha-2 on the left bank of the Ob River]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 192 p.